

ПРО БАРЫНЮ- СУДАРЫНЮ И ПЕСЦОВ

Лельке было три, когда мама в первый раз не пришла домой ночевать.

На улице стоял мороз. Он давно уже не унимался, был трескучий до костного хруста, густой настолько, что проникал через окна. Собирался снегом на подоконнике. Холодил пол. Лелька чувствовала его через носки, первые – тоненькие, с лисичками, вторые – из колючей шерсти.

– Надень тапочки, застудишься! – просила бабушка, выглядывая из кухни.

Лелька пряталась за дверной косяк, дожидалась, пока в раковине снова зашумит вода, и возвращалась в коридор. Она ждала маму.

Мама ушла утром. Было рано, задувал южак. Лелька узнала его по тонкому свисту в окнах. Мама открыла дверь в комнату, и Лелька тут же проснулась. От мамы пахло горькими духами и лаком для волос. Она присела на краешек кровати, наклонилась к бабушке, сказала ей что-то неразборчиво. Бабушка тут же проснулась, заворочалась, поднимаясь. Всю ночь она грела Лельку – дыханием, ладонями, большим своим спящим телом, и без нее сразу стало холодно. Лелька захныкала, но мама положила ей ладонь на лоб.

– Поспи еще, – попросила она.

Лелька зажмурилась, чтобы ее не расстраивать, и принялась слушать, как скулит Лота, как тяжело бабушка хромотает по коридору, чтобы закрыть за ма-

мой дверь, как возвращается в комнату, накрывает Лельку еще одним одеялом, тяжелым и сонным. Под ним дрема приходила сама собой, и снился снег, засыпающий Лельку, и комнату, и дом, и тропинку к дому, по которой шла сейчас мама, исчезая в этом снеге, как в разведенном водой молоке.

– Дрыхнешь еще? – Надька с разбегу запрыгнула на кровать, пролезла в тепло с ледяными ногами. – Там снега намело до подоконника!

Лелька спрятала голову под подушку и нарочно стала спать еще крепче, чтобы не отвечать. Но Надька наклонилась к ней:

– Деда Рыптэна теперь до лета не найдут!

Голос ее пробрался под подушку. Лелька сказала, выдавая свой сон-не-сон.

– Витка еще вчера один с охоты вернулся, я из окна видела, – горячо заговорила Надька. – Шуба вся в снегу, лицо обмороженное, а на санках только куропатки. Мертвые!

Нужно было вскочить, перелезть через Надьку и побежать к бабушке, та уже разогревала на сковороде вчерашние пирожки, и пахло от них сладким тестом и яблочным повидлом. Но второе одеяло было слишком тяжелым. Еще и Надька навалилась сверху.

– Витка деда на сопку уташил, чтобы его там песцы съели.

Слезы уже собирались в Лельке. Деда Рыптэна она видела прошлым летом. Витка выносил его на

завалинку у дома, укрывал шкурой и оставлял так, пока ходил за хлебом в автолавку. Дед Рыптэн подставлял плоское лицо солнцу и замирал, а Лелька смотрела на него из окна и гадала, есть ли у деда глаза, или две слепые щелочки – все, что ему досталось.

– Песцы сейчас голодные, они человека за три километра чувят, – не унималась Надька. – Прибежали на сопку, начали деда рвать, а он даже не заплакал. Знаешь почему?

Лелька затрепыхалась, отталкивая от себя одеяло, но сил не хватило. Ладонки стали липкими, живот скрутило от страха и духоты.

– Потому что слезы у него замерзли, – выдохнула Надька ей прямо в лицо и наконец помогла выбраться наружу.

Майка тут же прилипла к влажной коже, воздух обжег холодом. Под ближней сопкой песцы доедали деда Рыптэна. Лелька облизнула пересохшие губы, вдохнула поглубже и на выдохе начала реветь.

– Бабуля!.. – позвала она.

Бабушка тут же оказалась рядом, подхватила Лельку на руки, прижала к себе и понесла туда, где пахло пирожками, а из окон была видна тропинка, по которой мама ушла из дома в снег. Они засели на кухне. Лелька то сбегала в коридор, проверить, не вернулась ли мама, то возвращалась обратно, чтобы согреться, – от плиты расходился сухой жар.

– Пирожок будешь? – предложила бабушка, аккуратно переворачивая котлету на скворчашей сковороде.

– Не.

– С молочком! С фермы вчера привезли. – И шлеп лопаткой, чтобы котлета не подгорела. – Литр молочка и творога грамм двести. Свежие, еще коровкой пахнут. Прямо как на материке.

Лелька ее не слушала. Она подвинула табуретку к окну. Стекло промерзло до снежной корки. Поковыряла пальчиком, продышала в обледенелом окне малюсенькую выемку, заглянула в нее. Ничего не увидела, только белое полотно снега. Смотреть на него было холодно, представлять, что где-то снаружи мерзнет мама, дворовые псы и дед Рыптэн, – еще холоднее.

– А давай я тебе оладушек напеку?

– Не.

– Надь, – позвала бабушка. – Расчеши ее хоть, ходит лохматая.

Лелька никуда не ходила, она смотрела в проталенную выемку, представляла, как снег за ней растапливается и сквозь него идет мама. В лохматой шубе и валенках, и пурга тихнет, уступая ей дорогу.

– Киснешь? – спросила Надька, распустила тонкую Лелькину косичку.

Лелька хотела было рвануть из кухни, но Надька тепло привалилась к ней и заскользила ладонью по спутанным за ночь волосам. Мама расчесывала Лельку быстро и весело, а сестра никуда не спешила. Вела расческой, пропускала пряди через прохладные пальцы.

– Тебе хвост или колосок?

Лельке хотелось колосок, чтобы не волосы, а сдобный гребень, как у пироговой корочки. Но колосок был маминой забавой. Она плела его под утренние новости, выделявая из волос такие завитки, что к вечеру их было не расчесать. От маминого колоска Лелька бы не отказалась, а другой ей был ни к чему.

– Хвост.

Надька хмыкнула, будто бы догадалась, но спорить не стала. Хвост получился крепким и высоким.

– Молодец какая, – похвалила бабушка. – Ни одной дорожки не оставила.

Дорожками она звала выпавшие из хвоста прядки. Но Лелька услышала другое – ни одной дорожки. Как же мама теперь вернется? Лелька спрыгнула с табурета, понеслась по коридору в большую комнату. В дни пурги туда и не заходили, мороз пролезал через закупоренные двери лоджии, леденил ковер. Можно было включить калорифер, но бабушка боялась – вдруг вспыхнет, кто будет тушить? Лелька с ногами забралась на диван, потянула на себя плед, закуталась в него и закрыла глаза.

– Замерзнешь тут, как дед Рыптэн, – проворчала Надька.

Подхватила ее на руки вместе с пледом и понесла. Лелька уперлась ей пяткой в живот, попыталась вырваться.

– Отпусти!

– Унесу тебя под сопку, – пообещала Надька.

Лелька слышала, как скрипит под ними пол, но ей казалось, это снег хрустит на протоптанной Виткой дорожке.

– Отпусти! Отпусти! – просила Лелька.

– Пусть тебя там песцы съедят. – Надька встряхнула ее сильнее, и Лелька заплакала.

В ответ ей слабо заскулила Лота, но казалось, это песцы издали разглядели Лельку и зашлись от предвкушения скорой добычи.

– Бабуля! – жалобно позвала Лелька, но Надька уже положила ее на кровать, и песцы остались голодными.

– Ревет и ревет, – пожаловалась она бабушке. – Тяжеленная уже, а все рева-корова.

– По маме скучает. – Бабушка подошла ближе, положила ладонь на Лелькину макушку, но та еще глубже зарылась в плед. – Ты пойдешь отнести котлеты в участок, – попросила она Надьку. – А мы пока в ваннушке пожедем, да?

Плед хранил в себе холод большой комнаты, Лелька в нем совсем продрогла.

– А мама когда придет? – спросила она, выглядывая наружу.

Бабушка посмотрела жалостливо.

– Мама сегодня будет работать долго-долго, у нее теперь работа важная, сложная очень, понимаешь?

– Очень сложная, ага, – подала голос Надька. – Бюллетени подсчитывать. И чай гонять.

– Надежда! – Бабушка цыкнула на нее, и та осеклась. – Иди давай. И воду нам набери. – Присела рядом с Лелькой. – Если ты будешь плакать, мама очень расстроится. И не сможет работать. Нам тогда кушать станет нечего. И что мы делать будем?

Лелька сглотнула оставшиеся слезы, вытерла глаза и задумалась.

– Под сопку пойдешь.

– Зачем это? – удивилась бабушка, помогая Лельке выбраться из пледа.

– Чтобы нас песцы съели.

Бабушка запрокинула голову и расхохоталась. Лелька смотрела, как она смеется, а плотно завитые кудряшки ее волос дергаются в такт, и не могла понять, что же такого веселого в снежной сопке и голодных песках, которым одного сухонького деда Рыптэна, конечно, было недостаточно.

– Ты Надежду слушай поменьше, она тебя дразнит, – посоветовала бабушка, утирая глаза. – Пойдем-ка мы с тобой погреемся, а то ножки ледяные.

В ванной было душно и горячо. Пахло мылом, присыпкой и маминым кремом для рук. Мама размазывала его по коже перед сном – пальцы, ладони, запястья, локти – и обязательно оставляла капельку, чтобы мазнуть Лельке по носу. От запаха этого слезы сами собой собрались в глазах, но Лелька сморгнула их и позволила бабушке стянуть с себя теплую кофточку, майку, штанишки, колготки и трусики. Без одежды духота ванной оказалась не липкой, а густой, как мороз за окном, только не гучей, обволакивающей. Пар обнимал Лельку, пузырьки лопались под пятками, пока бабушка опускала ее в воду.

– Сейчас спинку погреем, ножки погреем, – пообещала она. – Придумала тоже, песцы съедят. Это что же, и меня к песцам надо?

Лелька обняла колени, горячая вода обступала ее, заполняя собой все пространство, и в нем не оставалось места для пурги. И даже мама бы в нем не уместилась.

– Напридумают дурости, – продолжала ворчать бабушка, поливая Лельку из ковшика. – Сорок лет как их из тундры в люди вывели, а все дикие, черти. – Лелька слушала ее и не слушала, растворяясь в пару. – Это же надо! Старика в тундру. Мертвый, не мертвый, какая разница? Он тебя вырастил, ты его похорони по-человечески...

Поставила ковшик на край ванны, налила в ладонь лужицу шампуня, высвободила Лелькины волосы из хвоста и начала намыливать. Лелька зажмурилась, чтобы пена не попала в глаза.

– У меня когда мама умерла, я же ее в лес не потащила? Нет. Похоронили ее, как следует. А эти, тыфу на них! – Помолчала, смывая пену с волос. – Я тебе про бабушку Машу рассказывала? Про мамочку мою.

Лелька кивнула, хоть помнила и смутно, но если у нее самой была мама, а у той тоже мама, то и у маминной мамы обязательно должен был кто-нибудь быть. Бабушка Маша сама собой появилась и встала в этот ряд, словно всегда там стояла.

– Мария Федотовна ее звали, за целую жизнь ничего плохого не сделала никому, – сказала бабушка, намыливая мочалку. – В войну меня вырастила, сестру мою Тamarку вырастила, братика нам родила, Павлика, только он слабенький получился.

Мочалка щекотно прошлась по спине и плечам, Лелька забултыхала ногами по воде. Ей стало легко и радостно, будто проснулась раньше всех, а впереди целый день. И ничего не происходит, но так хорошо от этого.

– Знаешь, как она нас с Тamarкой купала? – спросила бабушка, натирая мочалкой Лелькину спину. – Натаскает ведрами воды в таз, подогреет покрепче, чтобы не остыла, усадит сначала меня, как младшенькую, мыльце в руку возьмет и давай тереть!

Представить, что бабушка – большая и мягкая, помещалась в таз, Лелька не могла. Но бабушка говорила уверенно, щеки у нее раскраснелись от жара, а кудри совсем разошлись.

– И обязательно песенку пела! – вспомнила бабушка. – Хорошую такую песенку.

Песенки обычно пела мама. Закутывала Лельку крепко, клала себе на колени и запевала незнакомым голосом про рябину и дуб, про змею под-

колодную и про миленького, который уехал в далекие края.

– Спой, – чуть слышно попросила Лелька.

Бабушка бросила мочалку в воду, взяла с полочки мыльце, намочила его. Мыльце было ромашковым и пахло летом.

– Лес, – наконец сказала бабушка и опустила ладонь с мыльцем Лельке на макушку. – Поляна! – Рука скользнула на лоб. – Бугор. – Мазнула по носу. – Яма! – Сунула палец в раскрытый от удивления Лелькин рот, та щелкнула зубами, но укуситься не успела. – Грудь. – Мыльце зашекетало подмышку, и Лелька зашлась смехом. – Живот! – Ладонь плюхнулась в воду, погладила Лельку по мягкому. – А там Барыня живет! – закончила бабушка, юркнула рукой между Лелькиными ножками. – Ба-арыня – ба-арыня, суда-арыня – ба-арыня!

Она легонько раскачивалась в такт и била ладонями по воде. Брызги полетели на Лельку, она ахнула, захохотала так, что еще чуть – и зеркало над раковиной пошло бы трещинами, и стала подпевать.

– Барыня-барыня, сударыня-барыня!

Вся Лелька стала жаром, барыней, живущей за поляной и бугром, грудью и животом, сударыней, что мыла бабушкина мама бабушке, а теперь бабушка моет ей, Лельке. И мылом она стала, и пеной, и морозом за окном, и пургой, и песком, и дедом Рыптэном. Всем, что наполняло жизнь, как пар наполнял комнату, и ее саму.

Лелька не заметила, когда дверь приоткрылась и к ним заглянула мама, запуская в тепло наружный холод.

– Ирочка, ты чего? – тут же всполошилась бабушка.

Мама присела на край ванны, погладила Лельку по спине, но ладонь у нее была с мороза, и Лелька отстранилась.

– Надюшка сказала, тут слезы рекой весь день. –

Мама взяла ковшик, набрала в него воды и сполоснула руки. – Перерыв пока, я и прибежала. Давай я ее домой?

Лелька спряталась в воду по плечи, посмотрела на бабушку. Та на нее. Лелька помотала головой. Бабушка поджала губы – вроде бы расстроилась, вроде бы нет.

– Ты работай, Ирочка, мы тут без тебя ничего, потерпим, – пообещала она, забирая ковшик.

– Точно?

Мама была здесь, с ними, но и не была. От снега тушь на ее ресницах размазалась, и казалось, что мама плакала. Лелька потянулась к ней, прижалась щекой, позволила погладить себя холодными пальцами.

– Ну, пойду тогда, хорошо? – решила мама, встала, вытерла руки и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Лелька замерла, предчувствуя новые слезы. Но слез в себе не нашла. Без мамы она становилась всех однее. А тут не стала. Бабушка осталась с ней. И бабушкина мама тоже.

– Барыня-барыня, – прошептала Лелька. – Сударыня-барыня.

И протянула бабушке мыльце, пахнущее летом и ромашками. Горячим паром посреди бесконечно злой зимы.

ПРО ЧУЖИЕ СТУЛЬЯ И КРАИ МИРА

– Надо идти, – сказала мама, но осталась сидеть, только чашку отодвинула.

Чашка была красивая. Замечательная была чашка. Белая, пузатая, с голубым цветком на гладком боку. Лелька таких цветков в жизни еще не видела – лепестки узкие, из желтой серединки торчат усики, на каждом круглая пуховка. Так и хотелось подобраться поближе, обнюхать хорошенько, может, даже лизнуть. Вдруг настоящий? Но мама нашла чашку первой, тут же плеснула в нее кипятком, досыпала ложку кофе, сверху ложку сахара, и принялась пить, недовольно оглядываясь на грустные развалы брошенной мебели.

Вещей осталось много. Ни конца ни краю им, как сказала бы бабуля, но она еще не вернулась с джурства и безобразия этого не видела.

– Удружила Надька, нечего сказать, – ворчала мама, прихлебывая хозяйский кофе. – Это мы до лета не разгребем.

Тетя Надя уехала на материк прошлый рейсом. Побросала одежду в чемодан, расцеловала на прощание притихшую маму, всхлипывающую бабулю, саму Лельку – и была такова. От поцелуя на щеке остался липкий след, и Лелька все не могла стереть его, прислушиваясь, как шепчутся за стеной.

– Одни мы остались, Ирочка, страшно-то как...

– Ничего не одни, Виктор Иваныч еще!

– Ой, да ну его!

– Тихо-тихо, разбудишь...

– А я не сплю! – хотела сказать Лелька и вскочить с кровати, но веки стали тяжелыми, и она неправдашне уснула.

А поутру мама отыскала в шкафу старые джинсы, застиранную футболку, бодро натянула их на себя и даже волосы повязала косыночкой, чтобы не мешали.

– А ты куда? – спросила Лелька, аккуратно проделывая траншею в завалах манной каши, чтобы растопленное масло потекло к краю тарелки, где поджидало его малиновое варенье, привезенное с материка прошлым летом.

– Не ты, а мы, – ответила мама, доставая с полки Лелькин спортивный костюм. – Доедай скорее – и пошли!

Конечно, поверх спортивного костюма пришлось натягивать синий колючий свитер, весь расшитый белыми розочками, а под него майку и теплые колготки с начесом, но дело того стоило. Когда они вышли на улицу, мама в розовом стеганом пуховике, а Лелька в дутом комбинезоне на импортном синтепоне, в лицо им тут же задул ледяной ветер. Тоненькая полосочка щек между шарфом, завязанным выше рта, и шапкой, натянутой по самые глаза, раскраснелась. Сразу стало жарко и холодно. Мама крепко сжала Лелькину ладошку, их варежки тут же слиплись. Ступени высокого крылечка успе-

ло занести пургой. Спускаться нужно было медленно и осторожно – упадешь, а подняться на ветру ох как не просто. Лелька тихонечко считала про себя, чтобы не пропустить последнюю, самую варварную ступеньку. Раз. Два. Три. Левый ботиночек соскользнул с края, мама тут же дернула Лельку на себя, удержала на ногах. Обошлось. Они перевели дух. Четыре. Пять. Все. До соседнего подъезда путь близкий, не успеешь замерзнуть, уже на месте.

Под ногами оглушительно скрипел снег. В полуденной тьме полярной ночи он слабо поблескивал, утопанный по дорожке, бескрайний и мерзлый с обеих ее сторон. Лелька знала, где-то там, укрытая ночью и пургой, спит большая сопка, снег завалил ее серый бок, не видно черных камней, не разглядеть мшистые островки, по которым светлыми ночами бродят одинокие олени. Ночь делала мир маленьким и ледяным. Лелька зажмурилась, темнота стала чуть теплее, и в ней, позади пурги, послышалось мерное дыхание сопки – вдох, выдох, вдох, выдох. Спит себе, ждет весны. Чего с ней станется, с такой-то большой.

Мама недовольно сжала ладонь, слипшиеся варежки хрустнули. Лелька тут же открыла глаза и прибавила шаг. Мороз пробрался под комбинезон, между ним и телом остались только свитер, спортивная курточка и тоненькая майка. Совсем ничего не осталось. Но мама уже нащупала в темноте деревянные перила чужого крыльца и начала подниматься по заваленным снегом ступенькам, Лелька поспешила следом. Чужой подъезд встретил их тем же холодом, что и снаружи, но без ветра и снега тот съехал и отступил, подумаешь, мороз, ничего особенного. Вот когда сыплет и в лицо охалками кидает, тогда и правда беда. А мороз мы любой осилим, где наша не пропадала.

Мама долго возилась с замком, замерзшие руки плохо слушались. Лелька топталась рядом. Квартиру тети Нади она знала хорошо. Шкаф с хрусталем, два деревянных стула, трехногий столик под хохлому и диван с мягкой ковровой обивкой. Вещи, смутно напоминающие те, что стояли в Лелькином доме, у тети Нади пахли лекарствами. Она работала в поликлинике и часто приходила в гости, чтобы поставить укольчик, выдать капелек для сердца и глянуть, не пора ли бабуле ехать в санаторий, греть больную ногу в лечебных грязях. Была тетя Надя громкой и смешной. Лельке она нравилась, несмотря на укольчики. А теперь тетя Надя уехала насовсем, оставив ключ и развалы брошенных вещей, пахнувших теми же лекарствами, что и при ней. Это напугало Лельку куда сильнее пурги и мо-

роза. Навсегдашность отъезда. Непоправимость его и настоящность больно щипала в глазах, даже бабуля – и та не удержалась, поплакала перед сном, грея Лелькины холодные пяточки в теплых ладонях. А вещам ничего, даже пахнут так же. Удивительные дела.

– Не топчись, ноги мокрые, – окликнула мама.

С ботиночек и правда успело натечь. Лелька раззулась, залезла в хозяйские тапки – большие и разношенные – и пошлепала за мамой в комнату.

Вещи они раскладывали по двум кучкам. Справа – те, что Виктор Иваныч потащит на помойку, слева – те, что мама решила забрать себе. Первым в левую кучу отправился трехногий стол, следом пузатая чашка, два блюда, глубокая кастрюля и связка толстых журналов за 1995 год.

– У меня подписка закончилась в 94-м, а там роман публиковали, не дочитала, – смущенно объяснила мама.

Лелька согласно покивала и бросила в левую кучу обезьянку на подставочке – сама коричневая, а ножки и ручки желтые, нажмешь на подставку – и они дергаются, смешно и немного жутко.

Сухие макароны и упаковку говяжьей тушенки решено было забрать с собой сразу, с ними банку растворимого кофе и два шоколадных деда мороза. Остальное – пыльное, брошенное и печальное, осталось обреченно лежать у стены, в ожидании Виктора Иваныча и его мусорной машины.

– Не выкинет, так себе заберет, не жалко, – решила мама и поставила греться чайник. – Кофейку – и пойдем, поздно уже.

За окнами бушевала пурга. Тонким свистом она проникала в комнату через ставни, сколько хочешь их закупоривай бумагой с клейстером, подтыкай ватой и старыми свитерами, а начнется пурга, обязательно наметет на подоконник снега, засвистит и заноеет в доме, да так уныло, что самому хоть плачь.

– Надо идти, – повторила мама, делая последний глоток. – Бабуля скоро домой придет, а нас нету, вот крику будет, да?

Промерзшая одежда согреться не успела, Лелька влезла в хрусткий комбинезон и тут же продрогла, но говорить не стала, потопталась только, чтобы согрелись ноги, утонувшие в сырых ботиночках. Мама обязала ее шарфом, огляделась напоследок. В коридоре одиноко стояли два стула – деревянные, лакированные, с красивыми витыми спинками. Виктор Иванович обрадуется. Дерево хорошо горит, будет его буржуйке чем поживиться.

– Дотащим? – спросила мама, примериваясь к стулу.

Лелька кивнула и схватила второй. Так и пошли через пургу. По сторонам снег, в небе снег, по земле снегом тянет, куда ни глянь, только снег и видно. А они идут – Лелька первая, впереди себя стул держит, мама следом, в одной руке сумка с макаронами и тушенкой, а другой стул к себе прижимает.

Лелька шла, во все глаза всматриваясь в темноту, чтобы не пропустить свое крылечко. Ветер так и норовил вырвать из рук стул, варежки скользили по спинке, но пальцы в них так замерзли, что захочешь – не разожмешь. Мелкий жгучий снег горстями сыпался в лицо, забивался в нос, мешал дышать. Лелька так устала, что начала представлять – вот она ложится прямо на снег, закрывает глаза и начинает слушать, как ровно дышит спящая сопка. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

– Смотри! – Голос мамы вырвал Лельку из холодной дремы.

Ветер стих. В одно мгновение перестал дуть, врать и швыряться снегом. И снег закончился. Колкая манка успокоилась на верхушках сугробов, нежных, будто сметанные берега. Стало светло и тихо. И даже прозрачный морозный воздух наполнился нездешним сиянием. Лелька задрала голову и беззвучно ахнула, мигом позабыв про холод и пургу.

С низкого темного неба спускались мерцающие нити. Золотые и изумрудные, пронзительно голубые и пугающе-алые, они переплетались в вышине, то сияли ослепительно ярко, то затухали тревожно, чтобы вспыхнуть с новой силой. Изгибистые ленты, гонимые небесным ветром. Колдовская роскошь, щедро рассыпанная по спящему небу, подарок тем, кто вышел в мороз и ночь.

– Садись, – шепнула мама, подталкивая Лельку к стулу.

Лелька послушно опустилась на скользкую деляшю, не отводя глаз от неба. Шея уже затекла, руки замерзли, холод колюче пробрался вверх по ногам. Но мама уселась рядом, стянула с себя бабушкину шаль и укутала их обеих.

– Тепло? – спросила она белыми от мороза губами.

– Тепло, – согласилась Лелька, отбивая зубами восторженную дробь.

Над ними сверкали в танце нити и ленты, мерцающие огоньки и набухшие гроздья звезд. Спящая сопка недовольно ворчала, колкие искорки света жалили ее снежные бока обещанием весны. От красоты и мороза захватило дыхание. Лелька втягивала ледяной воздух через силу, но продолжала смотреть, не моргая, чтобы темнота ни на миг не проглотила изумруд и синь, серебро и золото, тре-

вожную алошь и неземной фиолет. Под бабулиной шалью тихоонько сопела мама, Лелька чувствовала ее бок своим плечом, и от этого становилось щекотно в животе. От небесного сияния щекотка поднималась выше, до глаз, и хотелось плакать, но слезы тут же замерзали, и лед их отражал небесные искорки, будто бы Лелька плакала ими, и это было так хорошо, что стало очень жалко тетю Надю, уехавшую от всей этой красоты на далекий материк.

Так они и сидели – мама и Лелька, у края мира на чужих стульях, а чернильное полотно неба разрывали на лоскуты изумрудные нити северного сияния, пока с дежурства не вернулась бабуля.

ПРО ЧЕРНУЮ ЯГОДУ ШИКШУ

– Давай! – крикнула мне Катька.

Под ногами трещало, а ниже рокотало и плескалось. Речка Каатырь неслась с дальних сопок прямо в океан. Но это далеко, у Поселка океаном и не пахло, зато пахло ледяной водой, раскисшим багульником и немного соляжкой.

– Давай! – повторила Катька и протянула мне руку.

Ладонь у нее была красная, в чешуйках сухой кожи. Так бывает, если стираешь в холодной воде. У Катьки был младший братик, а горячую воду к ним так и не провели. Катька писала в район, жаловалась в администрацию, да только что им те жалобы. И вся Катькина семья.

– Да хватайся, тебе говорю!

Ногти Катька грызла до самого мяса. Неровный край, запекшиеся лунки сорванных заусенцев. А костяшки сбиты – то ли в драке, то ли с велосипеда полетела. Вон на пальцах следы жирной смазки от цепи. Никто, кроме Катьки, по Поселку на велосипеде не ездил. Какой велосипед, если дорог нет, одни короба и засыпанные крупными камнями дорожки. Но Катька от последнего снега до первого рассекала на дребезжащей махине, доставшейся ей от отца. Тот привез велосипед с материка, а больше багажа у него и не было. Катька рассказывала об этом с такой гордостью, что я тут же начинала завидовать. Мало того, что у Катьки был велосипед, так еще и отец был, жалко, что погиб прошлой осенью.

Поехал на охоту по первому льду, вездеход занесло и перевернуло. Нашли его на пятые сутки, поломанного не сильно, зато замерзшего насовсем. Катька тогда перестала к нам ходить. Мама подождала месяц, потом собралась и пошла к ней сама. Вернулась к вечеру, облокотилась на обувную полку у двери, долго молчала и гладила подбежавшую Лотку.

– Можешь не волноваться за комнату, – сказала она Надежде. – В колледж Катя не поедет. И в соседках у тебя не будет.

Сестрица выглянула из комнаты.

– Ну и хорошо.

– Ничего хорошего. Мать у нее запила. Катя с братом остается. На водокачку пойдет сторожить.

Надежда пожала плечами и вернулась в комнату – докрашивать ярко-красным лаком ногти на правой ноге. Зато Катька снова начала к нам приходить. То бабуле поможет сушеные яблоки перебрать, то с мамой засядет над правилами по русскому, по старой памяти, к экзаменам они за целую зиму успели подготовиться. Их Катя сдала без троек и так гордилась этим, что курить бросила. А потом опять начала. И подстриглась еще короче. Зашла к нам, скинула ботинки, стянула шапку и встала перед мамой, свела густые брови, глянула из-под них с вызовом, мол, чего теперь скажете. Мама ничего не сказала, пошла ставить чай. А вот сестрица не удержалась, цокнула языком.

Катька умела вырезать
из цветного картона
нелепых чудищ
с огромными зубами,
а потом лепила их
из соленого теста
и помогала придумывать
странные истории.

– Блох подхватила, да? – спросила она, повернулась ко мне. – Тоже нахватаешься, к Лотке не подходи, пусть хоть собака чистая будет.

Выскочила в коридор, натянула куртку.

– Ты куда раскрытая вся? – попыталась остановить ее бабуля.

– У Юльки посижу, пока тут гости, – выплюнула последнее слово, как тухлую ягоду, и затопала вниз по лестнице.

Катька тут же стала собираться домой, но я повисла у нее на рукаве, не отцепишь.

– Ты ко мне пришла, ко мне, – ныла я, тянула к себе. – Пойдем, я тебе почитаю!

И Катька пошла. А потом мы пили чай, и мама хвалила ее за стрижку, мол, какая необычная, только подровнять бы чуток сзади, давай мы подровняем? Бабуля принесла старую простыню, мы всегда обращивались ей, когда стриглись, накрыла плечи Катьки, и та затихла. Ножницы шелкали, и волосы падали на пол, тоненькие, как травинки.

– Я хотела, чтобы под шапкой видно не было, – призналась наконец Катька. – Чтобы не поняли сразу, что я девка. Иначе на охоту не возьмут.

Смотрела она только на маму. И говорила с ней. Мама поджала губы, стала холодная и чужая, как всегда, если начинала злиться. Только на кого, я понять не смогла.

– С чукчами не ходи, – сказала она. – Слышишь меня? Только с нашими. Со знакомыми. С теми, с кем папа твой ходил. А с чужими – никогда. Обещаешь?

Катька потянулась ко рту пальцами, но простыня не дала их прикусить. Кивнула. И мама снова стала теплой и своей.

– А зачем тебе на охоту? – шепотом спросила я, подходя поближе.

– Чтобы жрать чего было, – ответила Катька. – Хочешь, привезу уточку?

Я представила, какой она будет мягонькой и смешной, как будет бегать за мной и крякать, но Катька глянула через меня на маму и улыбаться перестала.

– Не, уточку не привезу, а ягод могу. Ир Станиславовна, давайте я вам ягод привезу, как пойдут. Два ведра!

– Привози, Катенька, – ответила за маму бабуля. – Я компота сварю, отнесешь братику.

Катькиного братика я никогда не видела. Только слышала, что он маленький и болеет. Родился не такой, как нужно. Сердечко у него слабое.

– А почему так бывает? – спросила я Катьку.

– Потому что бухать не надо было, – коротко ответила она. – Читай давай, а то мне идти скоро.

Долго Катька у нас не задерживалась.

– Пойду я, Ир Станиславовна, – жалобно говорила она, начинала обуваться.

Ботинки у нее были разношенные настолько, что шнурки можно было не развязывать. И куртка старая, с заплатками на локтях. И спортивный костюм, в котором Катька ходила и в школу, и на танцы, и в тундру, тоже был истершимся, с вытянутыми коленками. Но все чистое. Скрипучее от хозяйственного мыла.

– Курить небось хочешь, – начинала ворчать мама, шла ее провожать к двери. – На вот, возьми. Брата угостишь.

– Да не надо, вы чего! – возмущалась Катька, но всегда брала.

Она приходила к нам два раза в неделю, по вторникам и четвергам, между сменами. В эти дни бабушка варила суп в кастрюле побольше. И запекала пару лишних бройлерных окорочков.

– Опять гуманитарная помощь? – интересовалась Надежда, но не спорила, только уходила заранее, друзей у нее было достаточно, чтобы переждать у них Катькины набег.

А вот я ее ждала. Мы дружили всю зиму. Катька умела вырезать из цветного картона нелепых чудищ с огромными зубами, а потом лепила их из соленого теста и помогала придумывать странные истории. Вот пошло чудище в тундру и нашло там старый рудник. О, подумало чудище, добуду золото, стану богатым, куплю самолет и улечу на материк. Забралось туда, а там мужики сидят и самогонку гонят. А что им еще делать, если рудник пошел по...

- Катерина! – прикиривала мама, но не зло, и смешинки поблескивали у нее в стеклах очков.
- Вот стает снег, пойдем с тобой в тундру, – пообещала Катька в декабре. – Ты была в тундре?

Конечно, была. Как не быть, если она начиналась прямо за детским садом. Пройдешь два двора мимо заброшенного общежития и пустого сельпо без двери. А там через короб по тропинке вниз. Под ногами начнет пружинить мох. На камнях покажется ягель. И запахнет влажно, с горчинкой. И ветвистые кустики расползутся по земле. А мама скажет, что это березы. Как в лесу, когда ездили к деду. Только там высокие, с белыми стволами. А здесь не ввысь растут, а вширь. Потому что холодно и ветер сильный. Невозможно вцепиться в землю, чуть копнешь – уже мерзлота. Приходится корешками за камни хвататься и ползти тихонечко, чтобы не сдуло в океан.

- Да разве там тундра? – Катька даже слюну собрала, чтобы сплюнуть, но вспомнила, что мы дома. – Настоящая тундра начинается за сопкой. Вот туда пойдем.

Сопка виднелась из окна кухни. Большущая и седая – даже в самый разгар полярного дня покрытая снегом. С нее к Поселку текла река. Чукчи звали ее Каатыр – маленький ручей, но летом ручей этот разливался в бурный поток, ледяной настолько, что ноги промерзали через ботинки, стоило подойти к берегу.

- Там брусники просто тьма. Наклонишься – и уже ведро собрал. А грибов! Ир Станиславовна, вы чего за грибами туда не ходите?

Мама оторвалась от телевизора.

- Как туда без машины – то попасть? Речка разливается, не переберешься.

- Тю. – Катька вытянула губы, над верхней глубокая оспина от ветрянки. – По камням перепрыгнуть, нечего делать вообще.

- Ну это тебе. А мне шею свернуть никак нельзя. Это знаешь как называется? Ответственность. Так что никакой реки. И никакой сопки.

И отвернулась. Катька уверилась, что мама не видит, и скорчила рожицу.

- Все равно сходим... – прошептала она мне.
- Я учителем работаю уже двадцать пять лет, было бы тебе известно, – не оборачиваясь напомнила мама. – У меня слух – как у летучей мыши.

О настоящей тундре Катька вспомнила на излете полярного дня.

- Ир Станиславовна, отпустите нас за сопку! – попросила она, расплескивая воду из ведра по ногам.

Бабуля взялась мыть полы в подъезде, а Катьку привлекла в помощницы, та не сопротивлялась.

Таскала воду, мела по углам, но все высматривала через распахнутую дверь маму. А я сидела с ногами на завалинке, из подъезда меня выгнали, чтобы я не надышалась пылью. Солнце чуть спустилось с зенита, вытянуло тени, ветер лениво раскачивал скрипучие качели. Бесконечный день сократился на два часа темноты, но продолжал тянуться вяло и мучительно. Жужжали комары. Их тонкий визг то нарастал, то отдался, когда порыв ветра относил их в сторону. Я размякла от скуки. Вспотела под комбинезоном. Сил хватало на слабое покачивание ноги так, чтобы пятка билась о бок завалинки. И все. Катька же не унывала. Примчалась на велике, взбудоражила дворовую стаю. Они гавкали для приличия, но Катьку сразу узнали и быстро улеглись обратно под короб.

- Ир Станиславовна, там шикши столько! И голубики! Мы ведро привезем!

Я знала, что мама откажет, но все равно стала ждать. Мама выглянула из квартиры, посмотрела на Катьку, потом на меня.

- Я же говорила вам. Там речка. Лелька намокнет и простынет. И так дохнет. Нельзя.

В горле предательски засвербило, но кашель я сдержала. Больше помочь Катьке мне было нечем. Начни я канючить, мама бы рассердилась и даже на завалинке запретила бы сидеть.

- Да я ее на руках перенесу. Не намокнет.
- Кать, не придумывай, – отрезала мама и скрылась за дверным косяком.

Но Катька уже поставила ведро и встала на порог, упершись кулаками в бока.

- Ир Станиславовна, пустите! Лелька тундру не видела настоящую.

- Посмотрит еще, – ответила мама из глубины коридора.

- Когда? Сами говорите, закрываемся в сентябре. Увезете ее – так и не увидит.

Этого мы не обсуждали. Ни словечком об этом не обменивались. За бесконечным полярным днем зияла крошечная пустота. Ничего. Пусть бабуля и начала уже собирать вещи по мешкам. Аккуратные стопки белья, кофточек, свитеров и теплых колготок. Но мы старательно делали вид, что ничего не происходит. Наверное, боялись разрушить притворный покой последних месяцев. А Катьке страшно не было. Она просто сказала и осталась стоять, ожидая ответа.

Мама потопталась в коридоре. Я ее не видела. Только бабулю вполоборота. Мочка уха у нее стала красная. Она отжала тряпку и повесила ее на край ведра.

Теперь бабуля ходила туда ночь через сутки, сторожила от мародеров. А под подушкой у нее лежал пистолет. Игрушечный, конечно, но издалека не отличить.

– Ну чего? Отпустите? – переспросила Катька.

Мама откашлялась. Потом еще раз.

– Ладно, – наконец ответила она хрипло. – Сходите до речки. За сопку нельзя.

Я вскочила на ноги. Сонная скука исчезла сама собой. Даже комары перестали липнуть к лицу. И крошечная пустота, ожидающая меня в окончании лета, отступила.

– Сапоги резиновые надевай, пока не передумали, – шепнула мне Катька.

Она улыбалась. Ее плоское и круглое лицо стало совсем широким. И потрескавшиеся губы растянулись так, что корочка лопнула и выступила кровь. Я с разбегу облапила ее, но тут же оттолкнула и побежала за сапогами.

– Господи, Ира, куда ты их пускаешь, – всполошилась бабуля.

– Лелька тундры настоящей еще не видела, – тихо сказала ей мама, помогая мне натягивать сапоги. – А скоро сентябрь.

Бабуля перестала спорить и пошла резать нам в дорогу бутерброды.

– Может, с нами пойдете? – предложила Катька, пока я уткнулась в мамин халат на прощание.

– Ко мне ученики через полчаса придут, – вздохнула мама. – Ничего, я на тундру еще налюбуюсь.

И тихонько оттолкнула меня. Халат на ней был домашним, пах котлетами, которые мама жарила на обед. Бутерброды тоже оказались с котлетами, тонко порезанными вдоль. Мы достали их, когда завернули за дом, и Катька спрыгнула с велосипеда.

– Давай пожует сначала, – предложила она. – А потом поедем.

Зачем есть на ходу, если можно было пообедать дома, я не поняла, но спорить не стала. Жевать хлеб с маслом и вчерашней котлетой на улице оказалось

куда вкуснее, чем сидеть за столом и есть с тарелки.

– Всухомятку всегда лучше, – пробурчала Катька, а изо рта у нее посыпались крошки.

Я засмеялась. И она тоже. Курносое лицо ее сморщилось. И я подумала тогда: какая же Катька странная. Не такая, как моя сестрица, хоть и учились они в одном классе, под маминым руководством. Надежда мазала лицо толстым слоем тонального крема, чтобы скрыть свои веснушки. А у Катьки лицо было все в точках, как речная галька. Надежда красила ресницы и губы, мазалась мамиными румянами. И вопила, если кто-нибудь дотрагивался до ее лица. Боялась смазать наведенную красоту. А Катька, раскрасневшаяся от ветра в тундре, спокойно терла щеки грязной ладонью. И волосы у нее становились все короче, и правая бровь была перебита шрамом. А уж от оспины на губе сестрица и вовсе бы сошла с ума, а Катька про это даже не думала.

– Чего смотришь? – спросила она, засовывая пакет от бутербродов в карман. – Поехали давай, а то Ир Станиславовна изведется.

Подняла велосипед, усадила меня на багажник, оттолкнулась от короба – и мы помчались к сопке, подсакивая на камнях. Пустые дома быстро закончились. Остались только горелые срубы. Чем ближе мы были к тундре, тем меньше Поселок походил на место, где жили люди. Скорее на заброшенный рудник, в котором ни одно чудище не найдет золота, только золу и искореженные пепелища.

– Кто их жет? – спросила я, перекрикивая ветер.

– Да мало ли алкашни тут по ночам греется. Расскажи лучше, чего там Надежда? Звонит?

Я покрепче прижалась к Катьке. Под гладкой тканью спортивной куртки расходился жар от ее спины.

– Звонит.

– Устроилась уже?

– Устроилась.

– А с кем в одной комнате поселили?

Спина под курткой напряглась.

– С Ленкой Кравцовой.

Катька дернула плечом, велосипед начал заваливаться в сторону, но быстро выровнялся.

– Ленка храпит и воздух портит.

Я хихикнула.

– А ты откуда знаешь?

– Мы в седьмом классе в одной палате лежали.

Мимо пронеслось пустое здание общежития. Там должны были обитать старатели, но рудник загнулся раньше, чем привезли новую смену. Теперь бабуля ходила туда ночь через сутки, сторожила от маро-

дерев. А под подушкой у нее лежал пистолет. Игрушечный, конечно, но издалека не отличить. Бабуля любила про него вспоминать и смеялась, а мама тут же затихала, только откашливалась в кулак.

Мы проехали мимо последнего работающего магазина. По средам там можно было купить свежий хлеб, но такой невкусный, что мама давно научилась печь сама. Катька спросила:

– Небось скучаешь по сестре?

Я не скучала. Надежда уехала в колледж за три часа по бездорожью и увезла с собой вечную ругань с мамой, злое подметание полов и громкую музыку за закрытой дверью комнаты, в которую мне ни в коем случае нельзя было заходить. Теперь сестрица если и приезжала домой, то набирала еды, жаловалась на соседок и укатывала обратно. Но сказать об этом Катьке я не могла. В хороших семьях все обязательно любят друг друга. А человека ближе, чем сестра, в жизни не найдешь. Бабуля повторяла это после каждой нашей ссоры. Правда, своей сестре она звонила раз в год – на день смерти моей прабабушки.

– Скучаю, – соврала я.

– Еще бы! – подхватила Катька и снова вильнула рулем. – Тебе вон как с сестрой повезло!

– Как?

Мы с Надеждой не дружили. Я дружила с мамой и бабушкой, с Димкой, пока он не уехал, с Мальчиком, пока его не застрелили, с Лоткой, если она обращала на меня внимание, и с кошкой Груней, пока ее от меня не увезли. С сестрицей мы просто жили в одном доме. А теперь перестали жить.

– Ну как? Она вон какая...

– Какая?

Сестра была чуть выше мамы, умела жарить пирожки из твердой американской картошки и запекать куриные окорочка Буша так, что их можно было прожевать. Она мастерски пылесосила ковер и красила ногти, а еще два часа стригла Лотку, превращая ее в подобие пушистого шара. И могла громко ругаться, а потом плакать злыми слезами.

– Умная, – сказала Катька, сворачивая с последней дорожки Поселка. – Учится на пятерки. Лучше всех английский знает.

Надежда ненавидела хренову школу, где все под твоим, мама, колпаком. Фразу эту я понимала плохо, но запомнила ее, как сестрица неправильные глаголы, которые зубрила по ночам, чтобы маме не было стыдно перед учительницей английского тетей Леной.

– Хозяйственная еще, – не унималась Катька, увозя нас все дальше от детского сада, за которым начиналась тундра.

Этого у сестрицы было не отнять. Она умела наводить порядок. Но не дай бог кому-то просыпать крошки или наследить на полу. Простым выговором не обойдешься.

– И красивая очень, – закончили Катька, подъезжая к железному забору последнего сарайчика. – Дальше пешком.

До реки мы шли, перескакивая с кочки на кочку. Болото наполнилось талой водой, раздалось вширь и глубь, покрыло себя мхом. Перед глазами рябили серые лоскуты ягеля, красные переплетенья багульника и мятника. Я знала названия по рисованному атласу тундры, который маме привезли с материка. Узнавала травы и радовалась им. Вон розовая купальница, вон крупные цветы копеечника. А в гуще мха – красные ягоды брусники. Многомного. Один раз наклонись за ней, разогнешься через час, зато с полным ведром ягод. Только шикши не было. Катька искала ее, ковыряясь в кустиках то ботинком, то ладонью. И тихонько чертыхалась под нос.

– А ты знаешь сказку про шикшу? – спросила она, уверенно шагая на звук рокочущей воды. – Не знаешь? А еще чукотская девочка. Ну, слушай. Шикшу еще называют вороньей ягодой, только какие тут вороны? Пуночки одни. Пуночек ты хоть видела?

Пуночки прилетали на север первыми. Еще стояли морозы и снег лежал не только на сопках, но и в Поселке, а серые птички уже сновали на помойках и выпрашивали еду у сердобольной бабули.

– Зимуют они в теплых странах. Улетают кто куда, а к лету возвращаются домой. Вот одна пуночка поссорилась со своей подружкой, и зимовать они решили врозь. На материке наша пуночка познакомилась со старым вороном. И тот в нее влюбился, представляешь?

Мы выбрались из болота и остановились на твердом лоскуте земли – коричневой и промерзшей. Катька отряхнула грязь с ботинок, взяла меня за руку и повела дальше. Река отчетливо шумела совсем близко. Но темных ягод шикши мы так и не встретили.

– В общем, наступила весна, пуночка собралась домой, она ужасно соскучилась по подружке. А старый ворон полетел за ней. И пуночка никак не могла от него избавиться. Нет, говорила пуночка, ты мне не нравишься, улетай обратно. А он смеялся и называл ее глупой. Сам он был глупым. Не мог поверить, что не нужен нашей пуночке.

Катька сплюнула под ноги и достала из кармана сигарету. Посмотрела на меня виновато. При

мне она никогда не курила. Но мы и не выбирались из дома так далеко. Катька щелкнула зажигалкой, я отвернулась, чтобы не пялиться, но поглядывала на нее искоса. Курила Катька как настоящий старатель, держа сигарету двумя пальцами – указательным и большим.

– Короче, пуночка решила, что прилетит в тундру, упадет на землю и прикинется камешком. Пуночки же похожи на камешки. Вот ворон от нее и отстанет. Замерзнет и умрет. Но не тут-то было. Прилетели они в тундру, пуночка бросилась на землю, но ворон рассердился и начал клевать камни своим черным-черным клювом.

Земляной дух тундры сменился мерзким сигаретным дымом, но Катька рассказывала так здорово, что я не стала ее ругать. Пускай себе курит, зато история интересная. Вот-вот прилетит подружка пуночки и спасет ее. Вместе они прогонят глупого ворона. Только при чем тут ягоды?

– Клевал он камни, клевал. И нашел пуночку. А когда исклевал ее до смерти, взлетел в небо. Кровь пуночки начала капать с его черного-черного клюва. И каждая капелька стала ягодой шикши.

Я замерла. История не могла так закончиться. Ни одна сказка, даже самая жуткая, как про девочку Аюгу, не заканчивалась так. Вот сейчас прилетит подружка пуночки. Вот сейчас.

– И с тех пор пуночки клюют все ягоды в тундре. А шикшу не клюют.

И замолчала. Докурила сигарету. Потушила ее о подошву ботинка, положила на землю, затоптала, подумала немного и засунула окурочек в карман.

– И все? – спросила я.

Катька кивнула.

– А как же ворон?

– А что ему сделается? – Катька обтерла ладони об куртку. – Мужикам ничего не делается. Полетел себе обратно на материк. Делов-то.

Протянула мне руку. Но я осталась стоять.

– Это плохая сказка.

– Почему?

– Потому что грустная. – Слова кололись на языке, как детское шампанское.

– А ты только веселые сказки любишь? Это потому что ты маленькая еще. Подрастешь и узнаешь, что все сказки в тундре грустные. Здесь веселое не выживает, ему слишком холодно.

– Почему?

– Вот так все устроено. – Катька подошла сама, натянула мне на лоб вязаную шапку, сбившуюся при ходьбе. – Пойдем лучше шикшу искать.

Шикши не было. Мы дошли до самой реки. Вначале она только серебрилась на солнце и рычала, потом начала рокотать, а потом и вовсе заслонила своим шумом весь остальной мир. От нее расходился стылый холод, словно от форточки полярной ночью.

– Ладно, – вздохнула Катька. – Брусники наберем и домой поедем.

Я помотала головой.

– У нас брусникой весь холодильник забит. Дядя Толя маме привез.

Катька хмыкнула, протянула:

– Ну если дядя То-о-ля... Но шикша на этом берегу не растет. Что тут поделаешь?

Другой берег был одинаково близко и далеко. С одной стороны, речка оказалась чуть шире, чем короб у нашего дома. С другой – она рычала и неслась так стремительно, что начинала кружиться голова. Вот только крошечная пустота за окончанием лета была страшной любой реки.

– Пойдем на другой берег, – выпалила я замершими губами.

– Нельзя! Ир Станиславовна запретила.

– А мы ей не скажем...

Катька взяла меня за плечи, повернула к себе.

– Не надо врать маме без причины, поняла? – сказала она строго, но от берега меня не увела.

– Мы остороженько, – пообещала я. – Вернемся сухие и ей расскажем. Она не будет ругаться. Ну! Там же тундра настоящая! – Я бы расплакалась, но слезы замерзли.

Катька сжала меня сильнее, вздохнула.

– Ладно, но осторожно.

Рядом никого не было. Людей в Поселке почти не осталось. За нами наблюдала только сопка – заваленная снегом сверху, коричневая и лысая внизу. А под ней кипела ледяная вода. Катька повела меня по берегу.

– Тут перекинули доски, мостик получился, – объяснила она. – По нему пойдём. Но двоих доски не выдержат, придется по очереди. Сможешь?

Внутри у меня было щекотно и жарко – то ли от страха, то ли от растаявших слез. Я держалась за Катькину руку – мозолистую и сухую. На свете не было ничего надежнее этой руки. Уж точно не мостик через реку из скрепленных тонкой рейкой досок, подтопленных водой. Катька пробежала по ним не глядя. Даже ботинки не намочила. Потянулась ко мне. Я сделала первый шаг. Под ногами затрещало.

– Давай! Давай! – кричала мне Катька.

А я не могла пошевелиться. Внизу неслась к океану талая, снежная вода. Ей ничего не стоило подхватить меня и унести следом.

Не знаю, сколько я проторчала там. Катька сама собой оказалась рядом. Ботинки она повесила на шею, связав шнурки. Штанины закатала до колен. Вода била ей по ногам, носила в сторону по скользким камням. Но Катька дошла до меня, подняла на руки и понесла на берег.

Мы долго стояли так. Я – на ее руках. Она – бо- сиком на мокром ягеле. И даже комары, облепившие голые икры, не заставили ее опустить меня на зем- лю и обуться, пока я сама не оторвала мокрое лицо от ее груди.

– Пуночки шикшу не ели, вот и нам не надо, – ска- зала Катька, вытирая мне щеки. – Лучше будем грибы собирать.

Пухлые боровички мы складывали в пакет из-под бутербродов. От грибов пахло осенью и землей, а еще обещанием супа и жареной картошки. Мы с Катькой почти не разговаривали. Но в этой тишине не было никакой сложности. Просто тундра не любила бе- седы и веселые сказки. Зато цвела куропаточьей травой и вереском, гудела мошкаррой и дышала по- лярным днем. Одним из последних, что я застала.

До дома мы ехали долгим путем. Через площадь, где лежал валун, весь в медных прожилках. Мимо пустой поликлиники. Мимо домов на сваях и нашей школы с заколоченными окнами. На завалинке у дома Катька отдала мне пакет с грибами, похлопала по плечу.

– Ты только это... – замялась она. – Сестре не гово- ри, что я про нее расспрашивала.

Я и забыла об этом. Между мной, едущей в на- стоящую тундру, и мной, что оттуда вернулась, был рокошущий поток Каатыря. Но я все-таки спросила.

– Почему?

Катька отвернулась, но призналась честно.

– Она взбесится, что я нос сую в ее дела. – И тут же спохватилась. – Нет, не подумай, что Надя пло- хая. Но меня она не любит. Не знаю почему.

Волосы у нее слиплись, повисли сосульками. Одной рукой Катька хлопала по рулю велосипеда, а другую поднесла ко рту и тянула зубами лоскуток кожи с большого пальца. От жалости у меня пере- хватило горло. Катька не видела себя со стороны и мучилась от непонимания, а я знала ответ. Разве можно знать, но не говорить, если другу очень нуж- но это услышать?

– Кать, она тебя не любит, потому что ты не такая...

– Какая не такая?

Катька рванула заусенец, из ранки полилась кровь.

– Непохожая на девочку, – выдохнула я.

Катька смотрела в сторону. Кровь текла по запя- стью. Она слизнула ее. Положила вторую руку на руль.

– Ну, бывай. Бабушке с мамой приветы мои.

Через полтора месяца я навсегда уехала на ма- терик. Катю я больше не видела. И северную шикшу тоже. Но где-то там продолжает рычать и плескаться ледяная вода, несущаяся в океан. Иногда мне ка- жется, что я до сих пор стою над ней, не в силах сделать еще один шаг. И все жду, когда по скользким камням ко мне придет Катька. И спасет меня, пусть я этого и не заслужила.

